

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО КОМПЛЕКСНОЙ ПРОБЛЕМЕ
«ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1976

ИСКУССТВО

СТИЛЕФОРМИРУЮЩАЯ ДОМИНАНТА ДРЕВНЕРУССКОГО ДОМОНГОЛЬСКОГО ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ

Д. С. Лихачев

История человеческой культуры знает периоды особенно светлого взгляда на мир, периоды как бы удивления вселенной, когда восхищение окружающим становится как бы чертой мировоззрения и эстетического мировосприятия. Обычно — это периоды возникновения нового взгляда на мир, появления нового мировоззрения и нового великого стиля в искусстве и в литературе. Человек открывает в мире какую-то не замечавшуюся им ранее систему — научную, религиозную или художественную. Новое истолкование мира — художественное, научное и религиозное — освещает мир в связях и значениях, которые ранее ускользали и которые теперь до глубины души удивляют человека. И это удивление перед тем, что окружающее подчиняется новому мировоззрению, всегда бывает радостным.

Об оптимистическом характере первого (домонгольского) периода древнерусского христианства писали многие, прежде всего Н. К. Никольский¹ и М. Д. Приселков². В качестве объяснения приводилось отсутствие в древнерусском христианстве аскетизма. Но это отсутствие аскетизма не может быть принято за объяснение, ибо само требует разъяснений.

Ранний феодализм пришел на Руси на смену родовому обществу. Это был огромный скачок, ибо Русь миновала историческую стадию рабовладельческого строя. Христианство вытеснило древнерусское язычество, типичное именно для этого родового строя. В древнерусском язычестве гнезился страх перед могуществом природы — враждебной человеку и властвующей над ним. Вместе с феодализмом и христианством родилось художественное познание мира, создавшее великий монументальный стиль домонгольского древнерусского искусства.

Доминантой нового художественного отношения человека к окружающей природе явилось открытие значительности человека и человечества в окружающем его мире. Всемирная история, изложенная так, как она рассказана в первом произведении русской литературы, обращенном к новопросвещенному народу, — «Речи философа», — вся говорила о значении людей, о смысле их существования и о центральном положении человека в окружающем его мире. Отныне стало аксиомой, что человек центр вселенной и именно в нем смысл существования мира.

Первые русские произведения полны восторга перед мудростью мироустройства, но мироустройство это не замкнуто в самом себе: природа служит человеку, она не враждебна ему и именно потому прекрасна. Она помогает человеку материальными благами, и через нее бог открывает человеку заповеди поведения. Природа содержит в себе притчи, нравоучения. Это — второе Писание.

Вселенная вся обращена к человечеству, сочувственно участвуя в его судьбах. Именно такое, отнюдь не узкоязыческое, а скорее эстетическое истолкование природы и ее участия в человеческих событиях найдем мы и в «Слове о полку Игореве», и в проповеднической литературе XI—XII вв.

Владимир Мономах пишет в «Поучении»: «Что есть человек, яко помниши и? Велий еси, господи, и чюдна дела твоя, никак же разум человек не может исповедати чудес твоих; — и паки речем: велий еси, господи, и чюдна дела твоя, и благословено и хвално имя твое в веки по всей земли. Иже кто не похвалить, ни прославляеть силы твоея и твоих великих чудес и доброт, устроеных на семь свете: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звезды, и тма и свет, и земля на водах положена, господи, твоим промыслом! Зверье разноличнии, и птица и рыбы украшено твоим промыслом, господи! И сему чюду дивуемъся, како от персти создав человека, како образи разноличнии в человекьских лицах,— аще и весь мир совокупить, не вси в один образ, но кьи же своим лиць образом, по божию мудрости. И сему ся подивуемы, како птица небесныя из ирья идуць, и первее, в наши руце, и не ставятся на одной земли, но и сильныя и худыя идуць по всем землям, божимь повелениемь, да наполнятся леси и поля. Все же то дал бог на угодьи человеком, на снеть, на веселье. Велика, господи, милость твоя на нас, иже та угодьи створил еси человека деля грешна. И ты же птице небесныя умудрены тобою господи; егда повелиши, то вспоють, и человеки веселять тебе; и егда же не повелиши им, язык же имеюще онемеють»³.

В цитированном месте «Поучения» сказалось влияние «Шестоднева» Иоанна Экзарха Болгарского⁴. Само по себе это замечательно: на столетие раньше Болгария пережила тоже «удивление миром», которое было затем столь характерно и для Руси, она раньше Руси прошла тот же путь к новому восприятию мира, опыт ее оказался для Руси особенно ценным. Мономах пользуется не только «Шестодневом» Иоанна Экзарха Болгарского, но и цитатами из Псалтири. Однако в сочетании с собственными наблюдениями над русской природой восторженная интонация приобретает у Мономаха особенно личный характер. Здесь не обнаженная литературная традиция: здесь традиция прикровенная, используемая для выражения вполне искреннего чувства.

Церковная и нецерковная литература домонгольской поры полна и другими приглашениями читателей «подивиться» или «почудиться» окружающей природе, мудрости мироустройства. Этот общехристианский мотив становится особенно характерен именно в первые века древнерусской культуры.

Восхищение миром звучит и в начале «Слова о расслабленном» Кирилла Туровского: «Неизмерна небесная высота, ни испытана преисподняя глубина, ниже сведомо божию смотрения таиньство»⁵; или в знаменитом описании весны в его же «Слове на Фомину неделю»: «Ныне небеса просветишася, темных облак яко вретища съвлекошася и светлым воздухом славу господню исповедають...» и т. д.⁶

На пути такого антропоцентризма менялись и отношения между художником и его созданием, между зрителем и объектом искусства. И это новое отношение уводило даже от канонически признанного церковью.

Бог прославляется нашими делами. «И кто не удивится, възлюблении, яко богу прославится нашими делесы?» — говорит Феодосий в «Слове о терпении и любви»⁷. Но и бог прославляет человека церквами, иконами и церковной службой. Отсюда, с одной стороны, приглушенность личностного начала в творчестве, ибо в человеческом творении прежде всего проявляется боговдохновенность и богосозданность, но отсюда же, с другой стороны, величие и монументальность произведений искусства, их прославляющий человека характер.

Вопреки постановлению седьмого вселенского собора, установившего чествование икон и креста «по подобию» — «ибо честь, воздаваемая образу, переходит к первообразному»⁸, Феодосий Печерский утверждает, что храмы и изображения созданы в честь «нам» — людям. Он призывает «с страхом стати безмолвно при стене, гласы немълчны въспевающе к Вышнему, иже нас грешных сподобил входа церковнаго, не имеюще собе подъяпоры стены, ни стълпа, еже нам суть на честь створена...»⁹ и далее: «И в церкви боле того есть: на честь бо нам стълпи суть и стены церковныа, а не на бещестие»¹⁰.

Сказав о стенах и столпах церкви как «о чести», воздаваемой человеку, Феодосий переходит затем к каждению в церкви и снова подчеркивает обращенность и этого действия к человеку, к молящемуся. Аналогия с честью, воздаваемой человеку сооружениями зодчества, несомненна. Храмы и все их величество, богослужение — все это честь именно человеку. Для человека клепание в била, призывающие его ко святой службе, для человека пение церковное, для него и образы, и кадило, к нему обращенное, и чтения Евангелия и житий святых.

Нечто подобное находим мы и у Илариона в его «Слове о законе и благодати». Иларион обращается к умершему князю Владимиру с риторическим призывом встать из гроба и взглянуть на честь, которая ему оказана: «Отряси сон, взведи очи, да видиши какая тя чьсти господь тамо сподобив, и на земли не беспамятна оставил сынѡм твоим». Называя эту честь, Иларион указывает на потомство Владимира — его сыновей, на цветущее благоверие и на град Киев, «величьством сияющь», на «церкви цветущии». Обращаясь к Владимиру, Иларион говорит: «виждь град иконами святых освещаем». Иконы, изображения святых «освещают» град¹¹. Церковь Благовещения — это не только честь богу и Владимиру, но и честь всем горожанам Киева. Восхваляя церковь Богородицы, «дивну и славну всем округным странам, якоже не обрящется во всем полунощи земнем от востока до запада», Иларион сравнивает ее с архангелом Гавриилом, давшим целование Девине: «Да еже целование архангел даст Девине, будет и граду сему. К оной бо: радуйся, обрадованная, господь с тобою. К граду же: радуйся, благоверный граде, господь с тобою!»

Обращенность искусства к его создателям и ко всем людям в их честь стало идеологической доминантой в стилеформирующих тенденциях монументального искусства X—XIII вв. Отсюда импозантность, горжественность, церемониальность архитектурных форм. Отсюда же столь бережно охраняемая перешедшая к нам из Византии обращенность изображений к молящимся, «предстояние» изображений не только за людей, но перед людьми. Отсюда «четырёхфасадность» церквей, обращенных на все стороны города. Отсюда же монументальный стиль

литературы, ее торжественность и парадность, строгая этикетность в выборе ситуации и словесного выражения.

Воздание чести должно совершаться в церемониальных формах; церемониальность требует традиционности; традиционность заставляет обращаться к прошлому; прошлое приобретает значительность, история — «священна» и воспринимается не как находящееся позади нас, а как стоящее впереди причинно-следственных рядов (поэтому о прошлых годах говорят — «в передних летех», о предках князей — «передние князи»). В представлениях о времени отсутствует современная эгоцентричность. Отсюда и каждое произведение искусства не создано одним человеком для остальных людей, а соборно, в пределах традиции, в рамках повторяющихся церемоний.

Искусство X—XIII вв. предстоит человеку и предстоит за человека.

* * *

¹ Н. К. Никольский. О древнерусском христианстве.— «Русская мысль», 1913, кн. 6, стр. 12—14.

² М. Д. Приселков. Борьба двух мировоззрений.— «Россия и Запад». Исторические сб. под ред. А. И. Злозерского, т. I. Пг., 1923, стр. 36—56.

³ «Повесть временных лет», ч. I. М.—Л., 1950, стр. 156.

⁴ Д. С. Лихачев. Етическата ситема на Владимир Мономах.— «Език и литература», 1966, кн. 4, стр. 10 и сл.

⁵ И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского.— «ТОДРЛ», т. XV. М.—Л., 1958, стр. 331.

⁶ И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского.— «ТОДРЛ», т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 416.

⁷ И. П. Еремин. Литературное наследие Феодосия Печерского.— «ТОДРЛ», т. V, М.—Л., 1947, стр. 174.

⁸ Архиепископ Вениамин. Новая скрижаль, ч. I. Изд. 9, [Б, г.], стр. 69.

⁹ И. П. Еремин. Литературное наследие Феодосия Печерского.— «ТОДРЛ», т. V. М.—Л., 1947, стр. 177.

¹⁰ Там же, стр. 178—179.

¹¹ Там же, стр. 124.